

ЖЕЛТЫЙ ПЕС

ГЛАВА 1

Пес без хозяина

Пятница, 7 ноября. В Конкарно безлюдно. Освещенные часы ратуши Старого города, виднеющиеся над крепостной стеной, показывают без пяти минут одиннадцать.

Прилив достиг высшего уровня, в порту под сильным юго-западным ветром качаются лодки, задевая друг друга бортами. Вихрь врывается на улицы, вздымая вверх обрывки бумаги и увлекая их за собой.

Эгийонская набережная погружена во мрак. Все двери давно закрыты, люди спят. Светятся лишь три окна отеля «Адмирал» на углу площади и набережной.

На окнах нет ставней, но за зеленоватыми стеклами силуэты запоздалых посетителей кафе едва различимы. На них с завистью смотрит дежурный таможенник, съезжившись в своей будке в сотне метров от здания отеля.

Напротив него стоит каботажное судно¹, которое после обеда укрылось в гавани от непогоды. На палубе никого нет. Лишь слышится скрип шкивов², да на ветру хлопает плохо убранный кливер³. К этому примешивается равномерный шум прибоя и щелчок на часах ратуши, которые вот-вот пробьют одиннадцать часов.

Дверь отеля «Адмирал» распахивается. На пороге появляется мужчина, еще секунду продолжающий в проеме двери разговаривать с теми, кто остался внутри. Ветер тут же подхватывает его, развеивает полы пальто, приподнимает на голове котелок, который он успева-ет вовремя схватить и во время ходьбы придерживает руками.

Даже издали чувствуется, что он сильно навеселе, еле держится на ногах и что-то напевает себе под нос. Таможенник провожает его взглядом и улыбается, когда мужчина решает зажечь сигару.

¹ Каботажное судно предназначено для плавания в ограниченном районе, обычно на небольшом удалении от берега и портов-убежищ.

² Шкив — колесо, которое передает движение приводному ремню или канату.

³ Кливер — косой треугольный парус в передней части судна.

Начинается забавная борьба между человеком, его пальто, которое пытаются унести порывы ветра, и шляпой, удирающей по тротуару. Десять спичек гаснут на ветру.

Поймав котелок, мужчина замечает рядом дверь дома и две ступеньки, ведущие к ней. Он решает укрыться под козырьком, наклоняется от ветра. Вспыхивает дрожащий огонек. Покачнувшись, курительщик хватается за ручку двери.

Слышал ли таможенник какой-то посторонний звук? Он в этом не уверен. Сначала он рассмеялся, увидев, как полночный прохожий потерял равновесие и сделал несколько шагов назад, наклонившись так сильно, что поза казалась невероятной.

Мужчина растянулся на краю тротуара, угодив головой в грязь. Таможенник постукивает себя по бокам, чтобы согреться, и недовольно смотрит на кливер, раздражающий его своим хлопаньем.

Проходит минута, другая. Он снова бросает взгляд на пьяного, который продолжает неподвижно лежать. Его обнюхивает непонятно откуда взявшийся пес.

— Только тогда я почувствовал, что случилось неладное! — скажет позже таможенник.

Последовавшую за этим суматоху изложить в хронологическом порядке несколько сложнее. Таможенник подошел к лежащему мужчине, с опаской глядя на большого неприветливого пса. В восьми метрах от них горел газовый фонарь. Сначала таможенник не увидел ничего настораживающего, но вскоре заметил на пальто пьяного дырку, из которой вытекала густая жидкость.

После этого он помчался в отель «Адмирал». В зале кафе было почти пусто. Облокотившись на кассу, скучала официантка. За мраморным столиком двое мужчин докуривали свои сигары, откинувшись на спинки стульев и вытянув ноги.

— Скорее... Там, кажется, убийство...

Обернувшись, таможенник увидел, что желтый пес вошел в кафе вслед за ним и улегся у ног официантки.

В воздухе повисло ощущение чего-то мрачного.

— Ваш друг, который только что вышел...

Несколько мгновений спустя они втроем склонились над телом, неподвижно лежащим на том же месте. Мэрия с полицейским участком находилась в двух шагах. Таможенник, охваченный нервным возбуждением, бросился туда, затем к дому врача.

И он повторял как заведенный, словно все это продолжало стоять у него перед глазами:

— Он покачнулся назад, как пьяный, и отступил шага на три, не меньше...

Вокруг него постепенно собирались люди. Почти везде открывались окна, раздавались тихие голоса.

Врач, стоя на коленях в грязи, произнес:

— Стреляли с близкого расстояния, пуля попала в живот. Нужна срочная операция... Позвоните в больницу.

Раненого знали все. Месье Мостаген, крупный виноторговец из Конкарно, добродушный толстяк, не имевший врагов.

Двое полицейских в форме, один из которых не нашел своего кепи, не знали, с какого конца приступить к расследованию.

Месье Ле-Поммере с манерами и голосом аристократа рассказывал:

— В кафе мы вчетвером играли в карты, с нами были Сервьер и доктор Мишу. Доктор ушел первым, полчаса назад. Мостаген, который боится своей жены, покинул нас ровно в одиннадцать...

Ситуация выглядела трагикомичной. Все слушали месье Ле-Поммере, забыв о раненом. Тот неожиданно открыл глаза, попытался приподняться и удивленно прошептал таким кротким тоненьким голоском, что официантка не смогла сдержать нервного смеха:

— Что случилось?..

Но тут он скорчился в судороге, губы его задрожали, мышцы лица напряглись. Врач поспешно приготовил шприц для укола.

Желтый пес путался под ногами людей, и кто-то удивился:

— Чья эта собака?

— Никогда ее раньше не видел.

— Наверное, с какого-нибудь судна...

В атмосфере трагичности вид этого пса вселял смутную тревогу. Быть может, из-за его грязно-желтого цвета? Собака была тощей, на высоких лапах, а крупная морда напоминала одновременно сторожевого пса и немецкого дога.

В пяти метрах от собравшейся толпы полицейские допрашивали таможенника, который был единственным очевидцем происшедшего.

Осмотрели и две злополучные ступеньки, ведущие к двери большого особняка с закрытыми ставнями. Справа от входа висело объявление о публичных торгах, назначенных на 18 ноября. «Начальная цена — 80 000 франков...»

Полицейский никак не мог открыть замок, и владелец соседнего гаража вскрыл его при помощи отвертки.

Прибыла машина «скорой помощи». Месье Мостагена положили на носилки. Зевакам оставалось лишь созерцать пустой дом.

В нем уже около года никто не жил. В коридоре стоял тяжелый запах пороха и табака. Луч фонарика высветил на плиточном полу пепел от сигарет и грязные следы, свидетельствовавшие о том, что кто-то довольно долго поджидал за дверью.

Один из зевак, мужчина в пальто, наброшенном прямо на пижаму, сказал своей жене:

— Идем! Здесь не на что больше смотреть. Узнаем все завтра из газет. Месье Сервьер здесь...

Месье Сервьер был маленьким толстячком в серо-бежевом пальто, который сидел с месье Ле-Поммере в кафе отеля «Адмирал». Он работал редактором в «Прожекторе Бреста», где, среди прочего, каждое воскресенье вел юмористическую рубрику.

Сейчас он делал записи, давал обоим полицейским советы, больше похожие на распоряжения.

Двери, ведущие в коридор, были закрыты на ключ. Те, что выходили в сад, напротив, были распахнуты. Сад окружала каменная стена не более полутора метров высотой. Улочка по другую сторону ограды вела к Эгийонской набережной.

— Убийца ушел этим путем! — сообщил Жан Сервьер.

Только на следующий день Мегрэ худо-бедно восстановил ход вчерашних событий. Месяц назад его прикрепили к оперативной бригаде Ренна, где проходила реорганизация некоторых отделов. Именно туда ему позвонил встревоженный мэр Конкарно.

Комиссар приехал в этот город в сопровождении Леруа, инспектора, с которым ему еще не доводилось работать.

Буря не утихала. Время от времени порывы ветра разрывали на небе огромные тучи, из которых сыпался ледяной дождь. Ни одно судно не покинуло гавань, и ходили слухи, что в районе Гленана потерпел бедствие какой-то пароход.

Мегрэ, разумеется, остановился в «Адмирале», самом лучшем отеле города. Было пять часов вечера, но на улице уже стемнело, когда он вошел в длинный, довольно мрачный зал кафе с мраморными столиками и серым полом, усыпанным опилками. Зеленые стекла в окнах лишь усиливали впечатление унылости помещения.

Многие столики были заняты. Но с первого взгляда можно было определить места завсегдатаев, солидных клиентов, к разговору которых прислушивались остальные посетители.

Как раз из-за этого столика поднялся мужчина с румяным лицом, круглыми глазами и улыбкой на губах.

— Комиссар Мегрэ? Мэр, мой хороший друг, сообщил мне о вашем приезде. Я много о вас слышал... Позвольте представиться: Жан Сервьер. Гм!.. Вы ведь из Парижа? Я тоже! Долгое время руководил «Рыжей короной» на Монмартре... Сотрудничал с газетами «Пти Паризьен», «Эксельсиор», «Депеш»... Я очень хорошо знал одного из ваших шефов, славного Бертрана, который ушел в отставку в прошлом году и отправился сажать капусту¹ в Ньевр. Вот и я поступил так же! Можно сказать, удалился от светской жизни... Ради удовольствия пишу для «Прожектора Бреста».

Он не мог устоять на месте и оживленно жестикулировал.

— Давайте я представлю вас нашему столику, так сказать, последней четверке веселых ребят Конкарно. Это Ле-Поммере, неисправимый бабник, рантье по роду занятий, вице-консул Дании...

Мужчина, который поднялся со своего места и протянул руку, был одет как провинциальный дворянин: клетчатые бриджи, облегающие гетры без единого пятнышка грязи, галстук-манишка из белого пике. У него были красивые серебристые усы, гладко зачесанные волосы, светлый цвет лица и щеки в красных прожилках.

— Рад познакомиться, комиссар.

Жан Сервьер тем временем продолжал:

— Доктор Мишу. Сын бывшего депутата. Впрочем, доктор он только на бумаге, поскольку практикой никогда не занимался. Вы и глазом не успеете моргнуть, как он продаст вам участок земли... Он ведь владеец самых красивых угодий в Конкарно, а может, и во всей Бретани.

Рука холодная. Заостренное лицо, кривой нос. Рыжие волосы уже поределели, хотя доктору на вид не больше тридцати пяти.

— Что будете пить?

Инспектор Леруа тем временем отправился за информацией в мэрию и полицейский участок.

В атмосфере кафе было что-то неуловимо серое, блеклое. За открытой дверью виднелась столовая, где официантки в бретонских костюмах накрывали столы для ужина.

Взгляд Мегрэ упал на желтого пса, лежащего под кассой. Подняв глаза, он увидел черную юбку, белый передник, некрасивое, но

¹ Намек на поступок римского императора Диоклетиана (245–313 гг. н. э.), который отказался от власти и занялся выращиванием капусты в уединенном поместье.

при этом настолько притягательное лицо, что во время всего последующего разговора он не переставал на него смотреть.

Впрочем, всякий раз, стоило ему отвернуться, как официантка кафе тут же устремляла на него свой лихорадочный взгляд.

— Бедняга Мостаген — лучший парень на земле, если не считать того, что он жутко боится своей жены! Не пострадай он так сильно, я бы решил, что это чья-то скверная шутка...

Жан Сервьер продолжал говорить. Ле-Поммере по-свойски позвал:

— Эмма!

И официантка направилась в их сторону.

— Итак?.. Что будете пить?

На столике стояли пустые кружки из-под пива.

— Сейчас время аперитива! — заметил журналист. — То есть перно. Эмма, принеси нам бутылочку перно... Вы не против, комиссар?

Доктор Мишу с рассеянным видом разглядывал свою записку.

— Кто бы мог предположить, что Мостаген остановится у этого злосчастного дома, чтобы закурить сигару? — громко продолжил Сервьер. — Никто ведь, правда? Мы с Ле-Поммере живем на другом конце города! И никогда не ходим мимо пустого дома! А в это время ночи по улицам никто, кроме нас троих, не гуляет... Не похоже, чтобы у Мостагена были враги. Он, что называется, добрейшей души человек... Все его мечты сводятся к тому, чтобы однажды получить орден Почетного легиона...

— Операция прошла успешно?

— Он выкарабкается... Самое забавное, что его жена устроила сцену в больнице, поскольку уверена, что здесь замешана женщина! Представляете?.. Бедолага даже не осмеливался погладить свою машинистку, настолько боялся осложнений!

— Двойную порцию! — велел Ле-Поммере официантке, разливавшей аперитив. — Принеси льда, Эмма...

Посетители вышли, поскольку настало время ужина. В открытую дверь ворвался ветер, скатерти на столах в столовой затрепетали.

— Почитайте статью, которую я написал, в ней рассмотрены все возможные гипотезы. Правдоподобной кажется только одна: это сделал какой-то сумасшедший... Но мы ведь знаем всех в городе и не представляем, кто мог бы потерять рассудок... Мы бываем здесь каждый вечер... Иногда к нам присоединяется мэр... Или Мостаген... Бывает, что для партии в бридж мы посылаем за часовщиком, который живет через несколько домов...

— А что это за пес?

Журналист недоуменно пожал плечами:

— Никто не знает, откуда он взялся. Сначала решили, что он с каботажного судна, прибывшего вчера в гавань, — «Святая Мария». Однако похоже, что это не так... На борту действительно есть пес, но ньюфаундленд, а это отвратительное животное даже непонятно какой породы.

Не переставая говорить, он взял графин с водой и наполнил бокал Мегрэ.

— Давно здесь работает эта официантка? — вполголоса спросил комиссар.

— Несколько лет.

— Вчера вечером она никуда не выходила?

— Нет, все время была здесь... Ждала, пока мы уйдем, чтобы отправиться спать. Мы с Ле-Поммере вспоминали старые добрые времена, когда еще были достаточно привлекательны, чтобы женщины любили нас не за деньги. Так ведь, Ле-Поммере?.. Отмалчивается! Когда вы узнаете его получше, то поймете, что, если речь заходит о женщинах, он может не спать всю ночь... Знаете, как мы называем его дом напротив рыбного рынка? «Непристойным домом». Гм!..

— Ваше здоровье, комиссар, — не без смущения произнес тот, о ком говорили.

В ту же секунду Мегрэ заметил, что доктор Мишу, все это время почти не раскрывавший рта, внимательно разглядывает свой бокал на просвет. Его лоб нахмурился, на бесцветном лице отразилась тревога.

— Подождите!.. — после долгих колебаний наконец произнес он.

Он понюхал бокал, окунул в него палец и осторожно лизнул языком. Сервьер громко расхохотался.

— Смотрите, как его напугала история с Мостагеном!

— Ну что?.. — спросил Мегрэ.

— Думаю, лучше это не пить... Эмма! Скажи аптекарю, живущему по соседству, чтобы срочно шел сюда... Даже если он ужинает!

Это вызвало заметную напряженность. Зал словно стал еще более пустым и мрачным. Ле-Поммере нервно тербил усы. Даже журналист заерзал на стуле.

— Что ты думаешь?..

Доктор сидел с угрюмым видом, не сводя взгляда со своего бокала. Затем он поднялся из-за стола, достал из шкафа бутылку перно, взболтал ее и посмотрел на свет; Мегрэ различил несколько мелких белых зернышек, плавающих в жидкости.

Вернулась официантка, за которой следовал аптекарь, что-то дожевывая на ходу.

— Послушайте, Кердивон... Нужно срочно исследовать содержимое этой бутылки и бокалов...

— Сегодня?

— Сейчас!

— На какую реакцию следует делать анализ?.. У вас есть предположения?..

Никогда еще Мегрэ не видел, чтобы страх овладевал людьми так быстро. Хватило нескольких секунд. Из взглядов исчезла вся теплота, а красные прожилки на щеках Ле-Поммере выглядели неестественно ярко.

Официантка облокотилась на кассу и, слюнявя карандаш, писала цифры в тетрадке в черной клеенчатой обложке.

— Ты свихнулся!.. — попытался разрядить обстановку Сервьер.

Но это прозвучало фальшиво. Аптекарь держал в одной руке бутылку, в другой — бокал.

— Стрихнин... — выдохнул доктор.

Он вытолкал аптекаря за дверь и вернулся к столику, опустив голову. Лицо его приобрело желтоватый оттенок.

— Почему вы решили?.. — начал Мегрэ.

— Не знаю... Случайность... Я увидел в своем бокале белую крупинку... Запах показался мне странным...

— Массовый психоз! — заявил журналист. — Стоит мне рассказать об этом завтра в своей рубрике, и все быстро нашего департамента вмиг разорятся...

— Вы всегда пьете перно?

— Каждый вечер перед ужином. Эмма настолько привыкла к этому, что сама приносит его, когда видит наши пустые пивные кружки. У нас свои маленькие привычки... После ужина — кальвадос...

Мегрэ подошел к шкафу с ликерами, взял бутылку кальвадоса.

— Не эта! Там есть еще пузатая...

Он взял ее, взболтал и увидел несколько белых крупинок. Он не стал ничего говорить. Это было необязательно, все и так всё поняли.

Вошел инспектор Леруа и спокойным тоном произнес:

— В полицейском участке не заметили ничего подозрительного. Никаких бродяг нет... Поэтому непонятно...

Он удивился стоявшей тишине, почти осязаемому ощущению тревоги, висевшей в воздухе. Табачный дым окутывал электрические лампы. Зеленое сукно бильярдного стола напоминало облезлый газон. На полу среди опилок валялось несколько окурков сигар.

— ...Семь, один в уме... — считала Эмма, слюнявя карандаш.

И, подняв голову, крикнула кому-то:

— Иду, мадам!..

Мегрэ набивал трубку. Доктор Мишу упорно смотрел в пол, и его нос казался еще более кривым, чем прежде. Туфли Ле-Поммере блестели так, словно в них никогда не ходили. Жан Сервьер время от времени пожимал плечами, словно разговаривая сам с собой.

Когда аптекарь вернулся с бутылкой и пустым бокалом, все взгляды устремились на него.

Судя по всему, он бежал, поскольку запыхался. В дверях он пнул ногой пустоту, словно прогоняя кого-то, и проворчал:

— Мерзкий пес!..

И, не успев войти в кафе, воскликнул:

— Надеюсь, это шутка?.. Никто не пил?..

— Так что?..

— Стрихнин! Его добавили в бутылку где-то полчаса назад, не раньше...

Он с ужасом смотрел на еще полные бокалы и пятерых молчаливых мужчин.

— Что все это означает?.. Это неслыханно!.. Я имею право знать!.. Ночью рядом с моим домом убили мужчину... А сегодня...

Мегрэ взял у него из рук бутылку. Вернулась Эмма, и над кассой мелькнуло ее безразличное вытянутое лицо с темными кругами под глазами и тонкими губами; бретонский чепец на ее плохо причесанных волосах постоянно съезжал на левую сторону, хотя она каждую секунду поправляла его.

Ле-Поммере ходил взад-вперед широкими шагами, разглядывая отблески на своих ботинках. Жан Сервьер некоторое время неподвижно смотрел на бокалы и внезапно воскликнул голосом, в котором сквозил неприкрытый ужас:

— Что за черт!..

Доктор втянул голову в плечи.

ГЛАВА 2

Доктор в домашних туфлях

Инспектору Леруа было двадцать пять лет, и он больше походил на обычного хорошо воспитанного молодого человека, чем на полицейского.

Он только что закончил учебу. Это было его первое дело, и уже некоторое время он с расстроенным видом смотрел на Мегрэ, пытаясь незаметно привлечь его внимание. В итоге, покраснев, он шепнул ему:

— Прошу прощения, комиссар... Но... отпечатки...

Должно быть, он решил, что его шеф принадлежит к старой школе и не осознает всей важности научных достижений, поскольку Мегрэ, дымя своей трубкой, сказал:

— Как пожелаете...

Этим вечером больше никто не видел инспектора Леруа. Он осторожно отнес бутылку и бокалы в свою комнату и провел весь вечер за изготовлением образцовой упаковки в строгом соответствии со схемой, лежащей у него в кармане, которая обеспечивала сохранность отпечатков пальцев при перевозке предметов.

Мегрэ сел в углу кафе. Хозяин в белом халате и поварском колпаке оглядывал зал с таким видом, словно его опустошил ураган.

Аптекарь уже разнес новость по городу. На улице шушукались люди. Жан Сервьер первым надел шляпу.

— Что ж, мне пора! Я женат, меня ждет мадам Сервьер!.. До свидания, комиссар...

Ле-Поммере перестал расхаживать по залу.

— Подожди меня! Я тоже пойду ужинать... Ты остаешься, Мишу?

Вместо ответа доктор пожал плечами. Аптекарь, ощущая свою значимость, разошелся не на шутку. Мегрэ слышал, как он говорил хозяину:

— ...Разумеется, нужно сделать анализ содержимого всех бутылок! Поскольку здесь есть представитель полиции, ему достаточно лишь дать мне указание...

В шкафу стояло более шестидесяти бутылок различных аперитивов и ликеров.

— Как вы считаете, комиссар?

— Неплохая идея... Думаю, это будет нелишним.

Аптекарь был невысоким, худым и энергичным мужчиной. Он суетился в три раза больше, чем это было необходимо. Пришлось искать ему корзину для бутылок. Потом он позвонил в одно кафе Старого города и попросил, чтобы сходили домой к его помощнику и попросили того срочно прийти в аптеку.

С непокрытой головой он шесть раз проделал путь от отеля «Адмирал» до аптеки. Несмотря на свой жутко занятой вид, он успевал перекинуться парой слов с зеваками, собравшимися на тротуаре.

— Что со мной будет, если у меня заберут всю выпивку? — вздыхал хозяин. — И еду уже никто не заказывает! Вы не будете ужинать, комиссар?.. А вы, доктор?.. Пойдете домой?..

— Нет... Моя мать в Париже... А служанка в отпуске...

— Значит, вы останетесь ночевать здесь?

На улице шел дождь. Дороги покрылись черной грязью. Ветер раскачивал жалюзи на окнах второго этажа. Мегрэ поужинал в столовой, неподалеку от столика, за который с похоронным видом уселся доктор.

Сквозь маленькие квадраты зеленого стекла на улице угадывались головы зевак, иногда их лица прилипали к стеклу. Официантки не было в зале полчаса: видимо, она тоже ужинала. Затем Эмма заняла свое привычное место справа от кассы и оперлась на нее локтем, держа в руке полотенце.

— Принесите бутылку пива! — попросил Мегрэ.

Пока комиссар пил, он ощущал на себе пристальный взгляд доктора, который продолжал смотреть на него и после, выискивая симптомы отравления.

Жан Сервьер, как и обещал, в кафе не вернулся. Ле-Поммере тоже. Поэтому зал оставался пустым, поскольку люди предпочитали сюда не заходить и тем более ничего не пить. На улице утверждали, что в кафе отравлены все бутылки.

— Можно убить весь город!..

Мэр позвонил со своей виллы в Белых Песках, чтобы узнать из первых уст, что здесь происходит. Затем в зале повисла гробовая тишина. Доктор Мишу в своем углу листал газеты, не читая их. Официантка не двигалась с места. Мегрэ курил с невозмутимым видом, и время от времени в зал заглядывал хозяин, чтобы проверить, не случилось ли новой трагедии.

Было слышно, как часы в Старом городе били каждые час и полчаса. На тротуаре стихло шарканье ног и шушуканье, поэтому теперь в тишине раздавался лишь заунывный вой ветра и стук дождя по стеклам.

— Вы будете спать здесь? — спросил Мегрэ у доктора.

В зале было настолько тихо, что простой звук голоса вызывал тревогу.

— Да... Иногда я так делаю... Я живу с матерью, в трех километрах от города... У нас большая вилла... Моя мать уехала на несколько дней в Париж, а служанка отпросилась на свадьбу к своему брату...

Он встал и, немного помявшись, быстро произнес:

— Доброй ночи.

Доктор исчез на лестнице. Было слышно, как он снимает ботинки на втором этаже, прямо над головой Мегрэ. В зале остались только официантка и комиссар.

— Подойди сюда! — сказал он, откинувшись на спинку стула.

И добавил, поскольку она осталась стоять в напряженной позе:

— Садись!.. Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре...

В ней ощущалась чрезмерная покорность. Она старалась двигаться бесшумно, ничего не задевая, опустив глаза и тревожно вздрагивая при каждом слове, что наводило на мысль о замарашке, привыкшей к грубому обращению. И все же чувствовалось, что под этим внешним обликом скрываются некие проблески гордости, которые она старалась не выпускать наружу.

Она отличалась анемичным сложением, ее плоская грудь не вызвала никаких чувственных желаний. Тем не менее в ней было нечто притягательно волнующее, сокрытое, болезненное.

— Чем ты занималась до работы здесь?

— Я сирота. Отец с братом погибли в море на шхуне «Три волхва»... Матери к тому времени давно не было в живых... Сначала я работала продавщицей в писчебумажном магазине на Почтовой площади...

Ее беспокойный взгляд словно все время что-то искал.

— У тебя есть любовник?

Она молча отвернулась, и Мегрэ, не сводя взгляда с ее лица, стал курить медленнее, выпил глоток пива.

— Наверняка многие посетители ухаживают за тобой! Особенно завсегдаи... Они приходят сюда каждый вечер... Им нравятся красивые девушки... Ну? Так который из них?

Побледнев, она выдавила из себя с усталой grimасой:

— Особенно доктор...

— Ты его любовница?

В его голосе промелькнули дружелюбные нотки.

— У него и другие есть... Иногда я, когда ему хочется... Он ночует здесь... И зовет меня к себе в комнату.

Редко Мегрэ приходилось слышать столь равнодушное признание.

— Он дает тебе денег?

— Да... Но не всегда. Пару раз в мой выходной он возил меня к себе домой... Позавчера, например... Пользуется тем, что его мать в отъезде. Но у него есть и другие девушки.

— А месье Ле-Поммере?

— То же самое... Только у него дома я была всего раз, и то давно... Там находилась еще одна девушка, с рыбозавода, и я отказалась! У них каждую неделю новые девушки...

— Месье Сервьер тоже?

— Он — другое дело. У него жена. Похоже, он ездит развлекаться в Брест... Здесь он только шутит, может ущипнуть мимоходом...

За окном по-прежнему лил дождь. Издали доносились позывные туманного горна: должно быть, какое-то судно искало вход в гавань.

— И что, так весь год?..

— Нет, не весь... Это зимой они остаются одни. Иногда выпивают бутылочку с каким-нибудь коммивояжером... А летом здесь полно народу, отель переполнен. Вечерами их собирается по десять-пятнадцать человек, они распивают шампанское, а потом едут пировать на виллы. Много роскошных автомобилей, красивых женщин... А у нас прибавляется работы... Летом клиентов в зале обслуживают официанты, а я работаю внизу, посудомойкой...

Что она искала, постоянно оглядываясь вокруг? Она явно чувствовала себя неудобно, сидя на краешке стула, и казалось, в любую секунду готова вскочить, как распрямившаяся пружина.

Послышался дребезжащий звук звонка. Она посмотрела на Мегрэ, затем на электрическое табло за кассой:

— Вы позволите?..

Она поднялась по лестнице. Комиссар услышал, как на втором этаже в комнате доктора послышались шаги и приглушенные голоса.

В кафе вошел аптекарь, немного подшофе.

— Дело сделано, комиссар! Я исследовал сорок восемь бутылок! Тщательнейшим образом, клянусь вам! Никаких следов яда, кроме как в бутылках перно и кальвадоса... Пусть хозяин забирает обратно свое имущество... Скажите между нами, что вы об этом думаете? Дело рук анархистов, не так ли?

Вернулась Эмма, вышла на улицу, чтобы опустить ставни, и теперь ждала, когда можно будет закрыть дверь.

— Ну что?.. — спросил Мегрэ, когда они снова остались одни.

Она ничего не ответила и отвернулась с неожиданной стыдливостью, и комиссару показалось, что, если он продолжит расспросы, она разрыдается.

— Доброй ночи, дружок!.. — мягко сказал он ей.

Когда комиссар спустился в зал кафе, он решил, что встал первым, настолько темным было небо от закрывавших его облаков. Из своего окна он увидел пустынный порт, где одинокий кран разгружал судно с песком. Несколько прохожих с зонтиками и в непромокаемых плащах быстро шли по улице, прижимаясь к стенам домов.

На середине лестницы ему повстречался только что приехавший коммивояжер, чемодан которого нес носильщик.

Эмма подметала пол в зале. На одном из столиков стояла чашка с остатками кофе.

— Это мой инспектор? — спросил Мегрэ.

— Он уже давно ушел с большим свертком... Спросил у меня, как пройти на вокзал.

— А доктор?

— Я отнесла ему завтрак наверх... Он болеет... Не хочет выходить из номера.

И веник продолжил поднимать в воздух пыль, смешанную с опилками.

— Что будете пить?

— Черный кофе.

Ей пришлось пройти рядом с ним, чтобы попасть на кухню. В этот момент он взял ее за плечи своими огромными руками и посмотрел прямо в глаза одновременно хмуро и ласково:

— Скажи мне, Эмма...

Она сделала всего одну робкую попытку высвободиться, затем неподвижно замерла, дрожа всем телом и словно став ниже ростом.

— Скажи мне, пока мы здесь вдвоем, что тебе известно?.. Молчи! Ты собираешься солгать! Я не хочу причинять тебе неприятности, у тебя их и так хватает. Посмотри мне в глаза! Бутылка... Понимаешь, о чем я?.. Теперь говори.

— Клянусь вам...

— Не надо клясться.

— Но это не я!..

— Да знаю я, что не ты! Но кто?..

Внезапно веки ее набухли и из глаз брызнули слезы. Нижняя губа задрожала, и девушка стала такой трогательной, что Мегрэ перестал ее удерживать.

— Доктор... этой ночью?..

— Нет!.. Это не то, что вы думаете.

— Чего он хотел?

— Он спрашивал меня то же, что и вы... Угрожал мне... Требовал, чтобы я сказала, кто прикасался к бутылке... Чуть не побил меня... А я не знаю!.. Клянусь своей матерью, что...

— Принеси мне кофе.

Было восемь часов утра. Мегрэ пошел купить табаку, прогулялся по городу. Он вернулся в кафе около десяти и увидел за столиком доктора в домашних туфлях, с платком на шее, заменявшим пристежной воротничок. Лицо его осунулось, рыжие волосы торчали во все стороны.

— Вы не очень хорошо выглядите...

— Я болен. Я знал, что так будет... У меня больные почки. При малейших неприятностях стоит мне поволноваться, как начинается обострение... Я всю ночь не спал...

Он не сводил взгляда с двери.

— Вы не пойдете домой?

— Там никого нет... Мне здесь лучше...

На его столике лежали все утренние газеты.

— Вы не видели моих друзей? Сервьера?.. Ле-Поммере?.. Странно, что они не пришли узнать новости...

— Да они небось еще спят! — вздохнул Мегрэ. — Кстати, я не видел сегодня этого неприятного желтого пса... Эмма! Вы видели собаку?.. Нет?.. Вот Леруа, может, он встретил ее на улице... Что нового, Леруа?

— Бутылки и бокалы отправлены в лабораторию. Я зашел в полицейский участок и в мэрию... Мне кажется, вы говорили о собаке? Один крестьянин как будто видел ее этим утром в саду месье Мишу...

— В моем саду?

Доктор вскочил из-за стола. Его бледные руки дрожали.

— Что он делал в моем саду?

— Судя по тому, что мне рассказали, лежал на пороге виллы, и, когда крестьянин приблизился, пес зарычал так угрожающе, что мужчина пустился наутек...

Мегрэ украдкой следил за лицами присутствующих.

— Что скажете, доктор, если мы вместе отправимся к вам домой?

Натянутая улыбка.

— В такой дождь? С моим-то приступом? Да я потом на целую неделю слягу... Из-за какого-то бродячего пса!

Мегрэ надел шляпу, пальто.

— Вы куда?

— Не знаю... Подышать воздухом... Вы со мной, Леруа?

Оказавшись на улице, они все еще видели за окном вытянутое лицо доктора, которое стекла удлинляли еще больше, придавая ему зеленоватый оттенок.

— Куда мы идем? — спросил инспектор.

Мегрэ пожал плечами, с четверть часа побродил вокруг доков как человек, интересующийся судами. Подойдя к молу, он свернул вправо и зашагал по дороге с указателем «Белые Пески».

— Хорошо бы отправить на анализ пепел от сигарет, найденный в коридоре пустого дома... — покашляв, произнес Леруа.

— Что вы думаете об Эмме? — перебил его Мегрэ.

— Я... я думаю... Мне кажется, что самое сложное в этом маленьком городке, где все друг друга знают, — достать такое количество стрихнина.

— Я вас спросил не об этом... Хотели бы вы, к примеру, стать ее любовником?

Бедный инспектор не нашелся что ответить. И Мегрэ попросил его остановиться и распахнуть полы пальто, чтобы раскурить трубку, спрятавшись от ветра.

Пляж Белых Песков, окруженный несколькими виллами, среди которых возвышался настоящий замок, принадлежащий мэру города, простирался между двумя скалистыми горами в трех километрах от Конкарно.

Мегрэ и его спутник шли, увязая в песке, покрытом водорослями, почти не глядя в сторону пустых домов с закрытыми ставнями.

За пределами пляжа дорога поднималась вверх. Скалы с верхушками, покрытыми ельником, уходили в море.

Вскоре их взорам предстал большой щит с надписью «Земельные участки Белых Песков» и планом, где разными цветами были выделены свободные и уже проданные участки. Рядом стоял деревянный киоск с вывеской «Контора по продаже участков».

На киоске висело объявление: «В случае отсутствия обращаться к месье Эрнесту Мишу, администратору».

Летом здесь все, должно быть, радует глаз яркими красками. Но сейчас, в мутных потоках дождя и грязи, под заунывный аккомпанемент прибоя, зрелище было скорее зловещим.

В центре стояла большая новая вилла из серого камня с террасой, бассейном и пока еще не цветущими клумбами.

Чуть поодаль виднелись очертания других строящихся вилл: несколько стен, торчащих из земли и уже намечавших будущие комнаты.

В киоске отсутствовали стекла. Своей очереди ждали кучи песка, высыпанные вдоль новой дороги, посреди которой стоял каток. На склоне возвышалось недостроенное здание будущего отеля с неоконченными стенами и заколоченными досками окнами.

Мегрэ неторопливо прошел вперед, толкнул калитку, ведущую к вилле доктора Мишу. Когда он уже стоял на пороге дома, протягивая руку к дверной ручке, инспектор Леруа тихо произнес:

— У нас нет ордера! Вы же не собираетесь?..

В очередной раз его шеф молча пожал плечами. На дорожках сада виднелись глубокие отпечатки собачьих лап. Были здесь и другие следы — солдатских ботинок огромного размера. Сорок шестого, не меньше!

Мегрэ повернул ручку, и дверь открылась как по волшебству. На ковре виднелись те же грязные следы: собаки и странных ботинок.

Вилла, отличавшаяся довольно сложной архитектурой, была обставлена в претенциозной манере. Повсюду располагались укромные уголки с диванами, небольшие книжные шкафы, кровати с дверцами, превращенными в витрины, маленькие турецкие и китайские столики. Бесчисленное множество ковров, гобеленов!

Во всем явно ощущалось желание хозяина при помощи старинных вещей создать ансамбль в современном деревенском стиле.

На стенах — бретонские пейзажи, а также портреты полуобнаженных дам с подписями-посвящениями: «Дорогому другу Мишу» и даже «Другу художников».

Комиссар, не скрывая раздражения, смотрел на весь этот хлам, в то время как Леруа явно находился под впечатлением от фальшивой изысканности интерьера.

Мегрэ открывал двери, заглядывал в комнаты. Некоторые из них еще не были меблированы. На стенах едва успела просохнуть штукатурка.

Толкнув ногой одну из дверей, он удовлетворенно хмыкнул: перед ним была кухня. На деревянном столе стояли две пустые бутылки из-под бордо.

Десяток консервных банок были кое-как вспороты ножом. Стол заляпан грязью и жиром. Кто-то ел прямо из банок сельдь в белом вине, мясное рагу, белые грибы и абрикосы.

На запачканном полу валялись остатки мяса. Бутылка дорогого коньяка была разбита, и запах спиртного смешивался с запахом еды.

Мегрэ взглянул на своего спутника со странной улыбкой:

— Как вы думаете, Леруа, это доктор устроил здесь такой свинарник?

И поскольку инспектор ошеломленно молчал, продолжил:

— Его мамаша тоже вряд ли могла такое учудить... И не служанка точно!.. Смотрите-ка! Вы ведь так любите снимать отпечатки... Вот здесь подошва хорошо видна... Размер сорок пятый или сорок шестой... И собачьи следы!

Он снова набил трубку, взял спички с этажерки.

— Соберите мне здесь все, что можно... Работы вам хватит. До скорого!

Когда Мегрэ вошел в отель «Адмирал», первым, кого он заметил, был доктор Мишу, по-прежнему сидевший в своем углу в домашних туфлях, небритый, с платком вокруг шеи.

Ле-Поммере, такой же безупречный, как накануне, сидел рядом с ним, и мужчины в полном молчании смотрели на приближающегося комиссара.

Наконец доктор хрипло выдавил из себя:

— Знаете, что мне сообщили? Сервьер исчез. Его жена сходит с ума... Вчера вечером он вышел из кафе, и с тех пор его никто не видел.

Мегрэ отпрянул, но вовсе не из-за этой новости, а потому что взгляд его упал на желтого пса, лежащего у ног Эммы.

ГЛАВА 3

Страх навис над Конкарно

Ле-Поммере счел необходимым подтвердить слова доктора, просто ради удовольствия высказаться:

— Она только что приходила ко мне, умоляя начать поиски. Сервьер, настоящее имя которого Гайар, — наш старый друг..

От желтого пса взгляд Мегрэ скользнул к распахнувшейся двери, в которую вихрем ворвался продавец газет. Крупный заголовок был виден издали: «Страх навис над Конкарно».

После чего следовал подзаголовок: «Каждый вечер — новая трагедия. Исчезновение нашего коллеги Жана Сервьера. Пятна крови в машине. Кто следующий?»

Мегрэ ухватил за рукав парнишку с газетами:

— Много продал?

— В десять раз больше, чем обычно! Нас трое, начали с вокзала...

Выскочив из кафе, парень помчался по набережной с криком:

— «Прожектор Бреста»! Сенсационный выпуск!

Не успел комиссар начать читать статью, как раздался голос Эммы:

— Вас просят к телефону...

В трубке послышался разъяренный голос мэра:

— Алло!.. Комиссар, эта нелепая статья вышла с вашей подачи?..

А меня даже никто не известил! Я требую, чтобы меня первым информировали о том, что происходит в городе, мэром которого я являюсь! Что это еще за история с машиной?.. А мужчина с большим размером ноги?.. За полчаса я получил больше двадцати телефонных звонков от взволнованных граждан, которые спрашивают меня, правда ли это... Я вам повторяю, что отныне требую...

Мегрэ с невозмутимым видом повесил трубку, вернулся в зал, сел за столик и принялся читать статью. Мишу и Ле-Поммере вдвоем просматривали одну газету, лежащую на мраморной поверхности столика.

Наш лучший сотрудник Жан Сервьер уже рассказывал на страницах газеты о событиях, центром которых совсем недавно стал Конкарно. Дело было в пятницу. Почтенный гражданин города месье Мостаген вышел из отеля «Адмирал», остановился у нежилого дома, чтобы закурить сигару, и получил пулю в живот через почтовый ящик, висевший на двери.

В субботу комиссар Мегрэ, не так давно приехавший из Парижа и возглавивший оперативную бригаду Ренна, прибыл на место преступления, что не помешало случиться новой трагедии.

Как нам стало известно благодаря телефонному звонку, тем же вечером трое именитых граждан нашего города — господина Ле-Поммере, Жан Сервьер и доктор Мишу, к которым присоединились и следователи, заметили, что в поданной им бутылке перно содержится большая доза стрихнина.

А в воскресенье утром автомобиль Жана Сервьера был найден возле реки Сен-Жак. Его владельца внутри не было, и с вечера субботы его никто не видел.

Переднее сиденье испачкано кровью. Стекло разбито, повсюду следы борьбы.

За три дня — три трагедии! Совсем не удивительно, что в городе поселился страх, и жители спрашивают себя, кто станет следующей жертвой.

Тревога усиливается за счет таинственного присутствия бродячего желтого пса, которого никто не знает и который появляется на месте каждого нового преступления.

Быть может, этот пес уже вывел полицию на серьезный след? И она занялась поиском неустановленного человека, оставившего в различных местах странные отпечатки башмаков огромного размера?

СОДЕРЖАНИЕ

Желтый пес. <i>Перевод Э. Болдиной</i>	5
Ночь на перекрестке. <i>Перевод И. Шрайбера</i>	101
Инспектор Кадавр. <i>Перевод К. Северовой</i>	205
Мегрэ в Нью-Йорке. <i>Перевод Е. Любимовой</i>	315
Первое дело Мегрэ. <i>Перевод Э. Болдиной</i>	431
Мегрэ ошибается. <i>Перевод Э. Болдиной</i>	553
Мегрэ и неизвестная. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	667
Мегрэ готовит западню. <i>Перевод Э. Болдиной</i>	773
Гнев Мегрэ. <i>Перевод К. Северовой</i>	879
Мегрэ и одинокий человек. <i>Перевод Э. Шрайбер</i>	977